

(Харбин, 1926–1945 гг.) дает обзор самого популярного, как она отмечает, русскоязычного детского журнала, издаваемого в Маньчжурии.

Мы продолжаем публиковать малоизвестные или забытые тексты, связанные с изучением детской литературы, интересные как образцы литературоведения и литературной критики своего времени, и полезные как примеры неочевидных ответов на вопросы, так и не получившие однозначного решения. В рубрике *«Архив ДЧ»* Анна Сенькина, подготовив к переизданию статью А. В. Круглова «Нужна ли детская литература?» (1897), публикует очерк о творческом пути писателя и библиографию исследований, посвященных этому забытому ныне автору детской литературы XIX в. В рубрику «Материалы» мы включили два текста о творчестве Аркадия Гайдара, написанные ушедшими от нас авторами в 1960-е и 1980-е гг. Один из них — студенческая работа Надежды Гилевой «О рассказе А. Гайдара “Чук и Гек”» — не был опубликован. Второй — статья исследователя детской литературы из Тюменского университета Владимира Александровича Рогачева «Критическая интерпретация детской книги и категория «память детства» — опубликован в малодоступном сборнике.

ИНТЕРВЬЮ ДЧ

М. Костюхина

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ДЕТСКАЯ КНИГА КАК ПРОВОКАЦИЯ»

В апреле текущего года в Институте детства прошел круглый стол, посвященный теме *«Детская книга как провокация»*. Мероприятие было подготовлено и организовано кафедрой языкового и литературного образования ребенка, в нем приняли участие студенты и преподаватели Института детства Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена и Санкт-Петербургского Института культуры и искусств, сотрудники петербургских детских библиотек, родители, независимые исследователи и другие специалисты по детской литературе и детскому чтению. В рамках круглого стола предлагалось обсудить современные детские книги, вызывающие наиболее ожесточенные споры в рядах критиков, педагогов, библиотекарей, родителей и читателей. В этом качестве рассматривались такие книги, как «Мост в Терабитию» Кэтрин Патерсон, «Не забывай гладить котенка» Роберта Клайва, «Oh, boy!» Мари-Од Мюрай, «Самые добрые в мире» Ульфы Нильсона и Эвы Эриксон, «Цацки идет в школу» Мони Нильсон-Брэнстрем, «Когда ангелы отдыхают» Марины Аромштам, «Кладбищенская история» Нила Геймана и другие.

Заявленная тема вызвала у участников круглого стола оживленный интерес, завязалась бурная дискуссия, где были представлены и аргументированы различные точки зрения на целесообразность существования провокативной детской литературы, ее художественную и дидактическую значимость.

«Детские Чтения» предлагают вниманию читателей интервью с *Мариной Сергеевной Костюхиной*, идеологом и организатором круглого стола «Детская книга как провокация».

ДЧ: Как возникла идея провести круглый стол с таким провокативным названием?

МК: Идея провести круглый стол на подобную тему возникла в процессе преподавания курса «Детская литература XX и XXI вв.»

который я веду в Институте детства в течение вот уже долгого времени. Обычно, начиная с сентября, мы со студентами читаем книжки современных авторов, анализируем их и обсуждаем. Если говорить о принципах литературного анализа в рамках студенческих штудий, то для подобного разбора, с моей точки зрения, наиболее продуктивной является категория конфликта, где под конфликтом понимается некое жизненное противоречие. И, когда мы начинаем разбирать, как «сделан» конфликт в той или иной книге, как он разрешается, в ситуации, когда раскрыты и проговорены позиции сторон конфликта, то неожиданно выясняется, что часть авторов конфликты, заявленные в своих произведениях, разрешают, а другие авторы оставляют неразрешенными или предлагают такое решение, в которое читателям трудно поверить, настолько оно неубедительно.

Например, очень показательна в этом отношении книжка шведских авторов Нильсона и Эриксона «Самые добрые в мире», где рассказывается о том, как дети организовали «похоронное бюро» и устраивают пышные похороны дохлым насекомым и зверушкам. Пожалуй, это была одна из самых сложных книг для осмысления, однако в ходе ее обсуждения нам удалось поговорить о том, что такое смерть в восприятии ребенка, что значит сам обычай похорон: пустая ли это упаковка бессмысленных и абсурдных социальных ритуалов или возможность действительно какого-то глубокого переживания и так далее. Однако сами авторы никаких противоречий не снимают, а лишь обозначают довольно болезненную и табуированную тему.

ДЧ: Получается, если в детской книге конфликт заявлен, но не разрешен, это и есть провокация?

МК: Именно так! Постепенно мы стали замечать, что копилка таких книг пополняется и пополняется, и нередко я завершала занятие словами: «Ребята, мне еще нужно будет подумать об этой книге». В какой-то момент мы со студентами решили устроить мозговой штурм. «Давайте, позовем специалистов, давайте позовем других студентов, позовем людей умных, позовем людей — разных! И подумаем об этих книгах все вместе», — предложила я. Так возникла идея круглого стола.

ДЧ: Книжки, которые были предложены к обсуждению, современные критики называют «новой детской литературой», или НДЛ. Явление это становится предметом научного осмысления вот прямо сейчас, в связи с чем возникает вопрос — вы намеренно обратились к произведениям из обоймы НДЛ?

Участники круглого стола «Детская книга как провокация». Фото М. С. Костюхиной

МК: С точки зрения принадлежности к какому-либо литературному направлению отбор книг был совершенно случайным. Мы принципиально отошли от филологического подхода, когда сначала определяется конкретный период какой-либо литературной эпохи, выделяется жанр, стиль, направление, а исследование ведется уже в этих заданных рамках, и всецело сосредоточились на подходе педагогическом. Мы обращали внимание на то, есть ли в книге конфликт и как он решается, а когда она написана, каким автором, в какой жанровой или стилистической традиции нам было не так важно. Тревожит нас эта книга, раздражает, озадачивает, оставляет в недоумении? Значит, берем!

И вот, когда мы отобрали десятка два книг, выяснилось, что все они написаны в последние 15 лет, и их авторов, не только зарубежных, но и российских, критики считают представителями одного направления. Выходит, что идя от опыта педагогической эмпирики, мы подтвердили некоторые положения литературной теории.

ДЧ: А удалось ли в ходе этого мозгового штурма определить какие-то специфические черты «новой детской литературы»? Например, студенты, изучающие детскую литературу, да и некоторые критики нередко сетуют, что, вот, явление НДЛ

существует, а четкого определения, что это такое — до сих пор еще не сформулировано.

МК: Мы такой задачи перед собой не ставили. Однако в ходе работы нам стало понятно, что эти книги действительно принадлежат к какой-то единой обойме, несмотря на то что их авторы живут в разных странах, пишут на разных языках и в разное время. Общая черта, и, пожалуй, тот единственный критерий, основываясь на котором можно выделить это направление из общего литературного потока для детей, — это острая тематика и проблематика произведений, наличие в книге конфликта, который можно назвать формой общественной провокации. Причем мы сознательно не стали брать тексты с откровенно заявленным политическим конфликтом, социально острых тем достаточно и в других книгах этой подборки.

ДЧ: А в связи с чем вы отказались от включения в список книг с политической подоплекой? Их оказалось слишком мало?

МК: Дело в том, что мой опыт работы в студенческой аудитории с такими книгами, как «Коричневое утро» М. Павлоффа, «Сталинский нос» Е. Ельчина и прочими, показал, что современные студенты абсолютно не в состоянии понять, о чем говорят эти книги. И дело, разумеется, ни в какой-либо недостаточной сообразительности студентов или отлынивании от учебного процесса. Здесь мы сталкиваемся с мощным блокированием любого понимания и осмысления политических тем, с четко выраженным нежеланием впускать подобные темы в круг своего сознания. Я, честно говоря, не до конца понимаю, что стоит за этим явлением — разумеется, это опыт воспитания в семьях, специфика нашего общественного сознания, различные внутренние страхи и запреты... Но, так или иначе, тема политики для нынешних студентов является практически табуированной.

И когда мы все-таки вынуждены резюмировать свои впечатления от того же «Коричневого утра», мне приходится все формулировать самой: говорить, что эта книга — о фашизме, что фашизм — это запрет на инакомыслие, разобщение людей, репрессии и террор... То есть приходится фактически задиктовывать, как в школе, «что хотел сказать автор». Я считаю это совершенно недопустимым ни в школьной практике, ни тем более в процессе обучения студентов.

Когда же мы взяли книги с остро социальной и психологической проблематикой, но не касающейся напрямую идеологических и политических вопросов, то я увидела, как свободны наши студенты в своих размышлениях, как профессионально и глубоко

они могут рассуждать о тех или иных аспектах текста. Возможно, это связано с тем, что мы готовим педагогов и они ориентированы на круг своих профессиональных проблем, хорошо понимая, что это их будущий хлеб.

ДЧ: Есть ли у Вас лично какие-то предпочтения среди этих книг? Можно ли сказать, что кто-то из авторов более убедителен художественно или это в целом достаточно однородная по своим литературным достоинствам проза?

МК: Я могу сказать только то, что практически все книги из этого ряда я читала не отрываясь. Те темы, которые там затрагиваются, настолько меня увлекали, что вопросы художественного уровня отступали на второй план. Значит, в целом в художественном отношении это все сделано неплохо, раз не вызывает отторжения и позволяет с интересом, а порой даже и волнением, следить за развитием сюжета. Хотя некоторые предпочтения, у меня, разумеется, есть, например, я считаю замечательной повесть-сказку Нила Геймана «Коралина», которая, на мой взгляд, сделана тонко и виртуозно.

ДЧ: А можно ли сказать про кого-либо из авторов этого направления, что они являются его классиками? Например, тот же Нил Гейман или Ульф Старк, который начал печататься еще в 1980-е гг. и сейчас хорошо известен читателями?

МК: Как хорошо, что никого из авторов новой детской литературы еще называть классиком нельзя! Это дает нам определенную степень свободы восприятия и интерпретации. Что касается всего этого «табеля о рангах», то, пожалуй, менястораживают только те писатели, которые пишут с претензией. Например, Кэтрин Паттерсон, которая прикрепила к себе бирочку «христианская писательница». Мы читаем эту бирочку, и у нас формируется определенный горизонт ожиданий — мы ждем, что вот сейчас христианский писатель разрешит конфликты, заявленные в своих книгах, в рамках христианского учения. А между тем ничего подобного не происходит! Книга «Мост в Терабитию» оставляет читателя в полном недоумении, я бы сказала, даже «вымораживает» и повергает в отчаяние. Эта повесть о любви, предательстве, ответственности ставит очень серьезные вопросы и не справляется с ответами на них.

Новая детская литература действительно обладает провокативным свойством. И тем не менее за ее тематической остротой и новизной многие специалисты подчас не способны различить достаточно традиционные для детской литературы вещи — дидактическое

начало, разговор автора с читателем о нравственных и этических проблемах, сфокусированность на том непросто опыте, который приобретают юные герои книг. Обойме современной детской литературы почему-то противопоставляется классическая русская литература XIX в., которая якобы обладает уникальной монополией на привитие читателю-ребенку нравственных начал. Несмотря на то, что произведения классической русской литературы адресованы взрослому читателю, такое противопоставление почему-то кажется некоторым специалистам релевантным.

ДЧ: Как Вы считаете, почему эта литература, насыщенная острыми и провокативными коллизиями, появилась в таком количестве именно сейчас? Ведь, согласитесь, все эти темы — первая любовь, предательство, социальное неравенство, конфликт поколений — достаточно известные и даже традиционные для детской литературы.

МК: Во-первых, некоторых тем в детской литературе раньше не было и быть не могло. Например, книга “Oh, boy” посвящена проблеме гомосексуализма, в повести японской писательницы К. Мори «Дочь Шидзуко» рассказывается о самоубийстве матери героини, герой книги «Загадочное ночное убийство собаки» страдает аутизмом и т. д. Во-вторых, «новая детская литература» действительно появилась в масштабе, позволяющем говорить о ней как об отдельном явлении именно сейчас, и я связываю это с определенными социокультурными процессами, происходящими как в западных странах, так и в России.

Если задуматься о функции этой новой литературы в общественном пространстве, то прежде всего мне на ум приходит определение толерантности, представленное на сайте ЮНЕСКО: «Толерантность — это скрытая форма конфликта». И, по моему мнению, эти книги, осмеливающиеся говорить о самых болезненных темах современного общества: смерти, фашизме, расизме, войнах, насилии, депривации инвалидов и прочих категорий «других», несостоятельности родительства, несостоятельности традиционных социальных институтов, таких, например, как религия, — позволяют прожить эти конфликты в скрытой форме, не приводя к ситуации конфронтации, в какой-то степени снижая уровень агрессии. У меня есть ощущение, что в западном обществе, в котором проблемы толерантности стоят достаточно остро и которое декларирует свое намерение идти по пути сближения и интеграции самых разных категорий своих граждан, на подобную литературу существует социальный заказ.

Мне не раз доводилось читать, что все эти проблемы навязаны современной российской детской литературе извне, что для нашей социальной реальности они не актуальны, а отечественные авторы пишут провокативные книги лишь потому, что увлечены слепым подражанием Западу. Мне же кажется, что наше российское общество, несмотря ни на что, так же идет по пути интеграции и толерантности и сталкивается с теми же проблемами. И в этой связи интерес наших издателей и читателей к «новой детской литературе» вполне закономерен.

ДЧ: Новая детская литература, вызывающая интерес исследователей и критиков, воспринимается подчас в штыки организаторами детского чтения — библиотекарями и родителями. Мне случалось бывать в библиотеках, где эти книги убраны из открытого доступа, а сотрудники в недоумении спрашивают, как можно писать для детей книги, подобные повести немецкой писательницы Б.-Т. Ханики «Скажи, Красная Шапочка», где рассказывается о том, как девочка подвергается сексуальному насилию со стороны собственного дедушки.

МК: Мне кажется, что эта ситуация объясняется разницей тех задач, которые стоят перед библиотекарями, перед исследователями, перед родителями и учителями, а вовсе не какой-то особой консервативностью и необразованностью библиотекарей, о которой иногда говорят некоторые специалисты, стремящиеся принести просвещение в библиотечные массы. Например, учитель словесности в любом случае будет иметь дело с анализом текста, и поэтому его хотя бы на самом базовом уровне интересует, как этот текст устроен, какие в нем есть элементы и как они взаимосвязаны. Обнаружив в тексте тот или иной конфликт, он скорее обрадуется, чем будет шокирован. В то время как у библиотекарей совсем другая профессиональная задача. Их усилия направлены на то, чтобы защитить ребенка от возможной травмы, которую может нанести книга, предложить ему уже проверенные образцы хорошей детской литературы. Библиотекарь предпочитает иметь дело с детской литературой как с некой конвенциональной системой, где по умолчанию не может быть такого сюжета как изнасилование внучки дедушкой, потому что эта книга детская. Отсюда шок и неприятие литературы такого рода у многих библиотечных специалистов.

Родители же представляют еще более консервативную читательскую среду и это опять же связано с их специфическими задачами,

главная из которых — защита своего ребенка в той мере, в какой это ими осознается. Хочу отметить, что сообщество западных родителей куда более воинствующее в этом плане. Как, например, хорошо известно, родительский комитет одного английского городка потребовал от местных властей изъять из библиотек трилогию Филиппа Пулмана «Темные начала», и те были вынуждены подчиниться.

Я смотрю на перспективы развития детской литературы с большой долей оптимизма — она формируется при воздействии правильных составляющих: консервативной силы родительского сообщества, традиционных предпочтений библиотекарей, классического — насколько это возможно — преподавания литературы в школе, интеллектуальной свободы исследователей и ученых и новаторских прорывов самих авторов. И это замечательно!

АРХИВ

А. Сенькина

«СИМПАТИЧНЫЙ БЕЛЛЕТРИСТ»

В этом номере альманаха «Детских чтений» мы решили посвятить рубрику «Архив» Александру Васильевичу Круглову (1852–1915). Его имя сегодня известно немногим специалистам по истории детской литературы, однако в конце позапрошлого века Круглов был одним из самых плодовитых и публикуемых детских писателей. Как отмечает А. И. Рейтблат в биографической статье об А. В. Круглове в «Словаре русских писателей», писатель отличался «исключительной продуктивностью (написал более 100 книг)» [Рейтблат 1994, с. 168]. Опыты Круглова в большой литературе не стяжали ему славы: современники относились к ним по большей части весьма критически [Там же, с. 169], признание писателю принесли именно произведения для детей.

Стихи, очерки, рассказы и повести Круглова печатались во всех наиболее известных детских журналах («Детский отдых», «Детское чтение», «Задушевное слово», «Игрушечка», «Родник», «Русская речь», «Семья и школа»), его произведения и сборники многократно выходили отдельными изданиями, и многие из них были рекомендованы для школьных библиотек: «Иван Иванович и компания» (СПб., 1882), «Большак» (СПб., 1883), «Незабудки» (СПб., 1885, 1900), «Из золотого детства» (М., 1889), «За чужим горбом» (М., 1890, 7-е изд., М., 1916), «Всякому гвоздю свое место» (СПб., 1892; 4-е изд., М., 1915), «Детям» (СПб., 1894; 3-е изд., М., 1903) и другие.

Судя по количеству переизданий, произведения Круглова для детей в конце XIX в. определенно имели читательский успех. В. Ф. Ходасевич в автобиографии упоминает о своей детской увлеченности стихами Круглова: «Кажется, что моим любимым поэтом в ту пору был Александр Круглов, автор ныне забытый. Проза его слабовата. Но стихи, стихи для детей, у него есть прекрасные: очень какие-то светлые, главное же — не слащавые, без пошлого подлаживания «под детское понимание» и без нравочений. В стихах Круглова — какое-то ровное и чистое дыхание. Странно, что, кроме Брюсова, я не встречал людей, знающих поэзию Круглова. Брюсов ее, несо-